

ФЕНИМОР
КУПЕР

✧
Зверобой,
или Первая тропа войны

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К92

Перевод с английского

Купер, Фенимор.

К92 Зверобой, или Первая тропа войны : [роман : перевод с английского] / Фенимор Купер. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-17-074560-9 (С.: Зарубежная классика)

Оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн В. Воронина

ISBN 978-5-17-115174-4 (С.: Большая библиотека приключений)

Оформление В.Е. Половцева

«Зверобой».

Жемчужина приключенческого жанра.

Роман, от которого поистине невозможно оторваться.

Идут годы — но история опасных и захватывающих приключений отважного траппера Натти Бампо по прозвищу Зверобой, дочери бывшего пирата, прекрасной Джудит, и мужественного, благородного могоканина Чингачгукса, чью невесту похитило враждебное племя гурунов, и сейчас заставляет наши сердца биться сильнее...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава I

...Есть наслаждение в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — природа ближе мне.
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чужа,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

Б а й р о н, «Чайльд Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период этот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение нации к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем четырех жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона², как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покип-

¹ Перевод В. Левика.

² Г у д з ó н — большая река, берущая начало в Адирондакских горах и впадающая в Атлантический океан у Нью-Йорка. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит теперь город Олбани.

си¹, не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани², еще до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван-Ренселеров³ — крепость с бойницами, проделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохоку⁴ и Скохари⁵. Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простирались далеко в глубь Новой Англии⁶, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁷ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извивающимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш

¹ П ó к и п с и — город на берегу Гудзона (в его нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

² О л б а н и — один из старейших городов США. Основан голландцами в 1614 году на берегу Гудзона. Теперь административный центр штата Нью-Йорк.

³ В а н - Р é н с е л е р ы — крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

⁴ М о х ó к — приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани.

⁵ С к ó х а р и — приток Мохока.

⁶ Н о в а я А н г л и я — область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁷ М о к а с и н ы — индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается неизменным. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогревало своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неде-

лю «охотники за землей»¹. Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии², и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой³. Шести футов четырех дюймов⁴ росту, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринужденно, и, хотя суровая простота пограничного быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величавая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности и по характеру был совсем иного склада. Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и тшедушным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всяко-

¹ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на нем лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, еще не истощенных посевами земель.

² Колония — здесь: Олбани.

³ Канадой называли тогда французские поселения в северной Америке на реке Святого Лаврентия. Теперь Канада — британский доминион.

⁴ То есть около 190 сантиметров.

го, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твердости характера и искренности чувств, было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за простодушной внешностью скрывается затаенная хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что ее владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на самой окраине цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве, особенно заметная на оружии и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин находился в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом¹. Наоборот, Гарри Непоседа, по свойственной ли ему небрежности или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары!² — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьем.

— Нет, нет, Непоседа, не так уж много мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги.

¹ В а м п у м — разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса, или перевязи, заменял документы в общественных делах индейцев.

² Д е л а в а р ы, или л е н н и л е н а п е, как они сами себя называли, — индейское племя, населявшее в XVII — XVIII веках долину реки Делавар и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, боровшийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.

Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

— Делавары и сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. — Иначе проклятые бродяги минги¹ не превратили бы их в баб.

— Этого никто толком не знает и не понимает, — сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаварами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости любому другому народу.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, который тоже способен спустить курок на тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием похвалиться и честностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над ложной гордостью.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — для этого не представлялось подходящего случая. Делавары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер², Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я добываю себе на жизнь карабином и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает еще одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

¹ М и н г и — так презрительно называли делавары гурунов, или вейанотов, принадлежавших к одной из групп ирокезских племен, живших в XVII — XVIII веках по берегам озер Онтарио и Гурона и реки Святого Лаврентия. Гуруны вели длительную борьбу с делаварами. Во время англо-французских войн они поддерживали французов.

² Т р а п п е р о м называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

— Ай, ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индейца — это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приемами. К тому же, у нас теперь законная, как ты говоришь, война. Чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдешь зверя немного повыше четырех футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, он не погнушается человеком, который еще не убил никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру делавара в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и презрение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

— У невысокого утеса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этом утесе я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и утес совершенно неизвестны. Этой страной сообща владеют минги и могоканы¹, в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному Богу известно, что может там твориться во время войны.

— «Сообща!» — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавучий Том — Хаттер. По праву пятнадцатилетнего бесспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

— А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

— Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он

¹ М о г и к а н е — индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могоканы входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.

требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

— Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

— Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Поведениями он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кида, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он, вероятно, думает об этом иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без развлечений; знавал и других, которые лучше всего чувствовали себя, сидя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знавал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется очень спокойно. Живет себе припеваючи вместе со своими дочками.

— Ах, так у него есть дочери! От делаваров, которые охотились в здешних местах, я слышал целые истории про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

— Когда-то была. Но она умерла и была брошена в воду года два назад.

— Как так? — воскликнул Зверобой, с удивлением глядя на товарища.

— Умерла и брошена в воду, говорю я — и надеюсь, что на достаточно чистом английском языке. Старик спустил тело жены в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при этой церемонии. Но хотел ли он избавить себя от труда рыть могилу — что не так-то легко в лесу среди корней, — или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, право, не берусь сказать.

— Должно быть, бедная женщина была большая грешница, если муж не хотел потрудиться для успокоения ее косточек.

— Не слишком большая грешница, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Джудит Хаттер была достойная женщина, насколько это возможно для женщины, жившей так долго

вдали от церковного звона, но, по-видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер — настоящий кремьень, то подчас между ними вспыхивали искры. Но, в общем, можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в темные чащи леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду почитать Джудит, потому что она была матерью такого создания, как Джудит Хаттер, ее дочка.

— Да, делавары упоминали имя «Джудит», хотя и произносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

— В твоем вкусе! — воскликнул Марч, взбешенный равнодушным и высокомерным тоном товарища. — Какого черта ты суешься со своим вкусом, когда речь идет о такой девушке, как Джудит! Ты еще мальчишка, зеленый юнец, едва успевший глаза раскрыть. За Джудит уже ухаживали мужчины, когда ей было всего пятнадцать лет, то есть без малого пять лет назад. Да она и не взглянет на такого молокососа, как ты.

— Теперь июнь, и на небе ни облачка, Непоседа, так что весь этот жар ни к чему, — ответил невозмутимо Зверобой. — У каждого свой вкус, и даже белка имеет право судить о дикой кошке.

— Но не слишком умно с ее стороны сообщать о своем мнении дикой кошке, — проворчал Марч. — Впрочем, ты молод и еще несмышлениш, поэтому я прощаю тебе твое невежество. Послушай, Зверобой, — с добродушным смехом прибавил он после недолгого размышления, — послушай, Зверобой: мы с тобой поклялись быть друзьями и, конечно, не станем ссориться из-за легкомысленной вертушки только потому, что она случайно уродилась хорошенькой, тем более что ты никогда не видел ее. Джудит создана для мужчины, у которого уже прорезались все зубы, и глупо мне опасаться мальчика... Что же говорили делавары об этой плутовке? В конце концов, индеец может судить о женщинах не хуже, чем белый.

— Они говорили, что она хороша собой, приятна в разговоре, но слишком любит окружать себя поклонниками и очень ветрена.

— Сущие черти! Впрочем, какой школьный учитель может потягаться с индейцем там, где речь идет о природе! Некоторые думают, что индейцы пригодны только для охоты и для войны, но я говорю, что это мудрецы и разбираются они в мужчинах так же хорошо, как в бобрах, а в женщинах не хуже,

чем в тех и других. Характер у Джудит в точности такой! Говоря по правде, Зверобой, я женился бы на этой девчонке еще два года назад, если бы не две особые причины, и одна из них — в этом самом легкомыслии.

— А в чем же вторая? — спросил охотник, продолжая есть и, очевидно, мало интересуясь разговором.

— А вторая — в том, что я не уверен, пожелает ли она выйти за меня. Плутовка красива и знает это. Юноша! На этих холмах нет дерева более стройного, дуновения ветра более нежного, и ты никогда не видел лани, которая прыгала бы с большей легкостью. Ее бы прославляли в один голос, не будь у нее недостатков, которые слишком бросаются в глаза. Иногда я даю клятву больше не ходить на озеро.

— Вот почему ты всегда возвращаешься к нему! Видишь, никогда не следует клясться.

— Ах, Зверобой, ты новичок в этих делах! Ты такой благоденный, как будто никогда в жизни не покидал города. Я — иное дело. Какая бы мысль ни пришла мне в голову, мне всегда хочется выругаться. Если бы ты знал Джудит, как знаю ее я, то понял бы, что иногда простительно чуточку посквернословить. Случается, что офицеры из фортов на Мохоче приезжают на озеро ловить рыбу и охотиться, и тогда это создание совсем теряет голову. Как она начинает тогда рядиться и какую напускает на себя важность в присутствии своих ухажеров!

— Это не подобает дочери бедного человека, — ответил Зверобой степенно. — Все офицеры — дворянского происхождения и на такую девушку, как Джудит, могут смотреть только с дурными намерениями.

— Это меня и бесит и успокаивает. Я, правда, побаиваюсь одного капитана, и Джудит должна винить только себя и свою дурь, если я неправ. Но, вообще говоря, я склонен считать ее скромной и порядочной девушкой, хотя даже облака, плывущие над этими холмами, не так переменчивы, как она. Вряд ли довелось ей встретить дюжину белых, с тех пор как она перестала быть ребенком, а поглядел бы ты, как она форсит перед офицерами!

— Я бы давно бросил думать о такой девушке и занялся бы только лесом. Лес никогда не обманет.

— Если бы ты знал Джудит, то понял бы, что это гораздо легче сказать, чем сделать. Будь я спокоен насчет офицеров, силой бы утащил девчонку к себе на Мохок, заставил бы ее выйти за меня замуж, несмотря на все ее капризы, и оставил бы старика Тома на попечение Хетти, его второй дочери; та хоть и не так красива и бойка, как ее сестрица, зато гораздо лучше понимает свои обязанности.

— Стало быть, еще одна птица из того же гнезда? — с некоторым удивлением спросил Зверобой. — Делавары говорили мне только об одной.

— Не мудрено, что, когда говорят о Джудит Хаттер, забывают о Хетти Хаттер. Хетти всего лишь мила, тогда как ее сестра... Говорю тебе, юноша, другой такой не сыщешь отсюда до самого моря! Джудит бойка, речиста и лукава, как старый индейский оратор, тогда как бедная Хетти в лучшем случае только «Так указывает компас».

— Что такое? — переспросил Зверобой.

— Да это офицеры ее прозвали: «Так указывает компас». Я полагаю, они хотели этим сказать, что она всегда старается идти в должном направлении, но иногда не знает, как это сделать. Нет, бедная Хетти совсем дурочка и постоянно сбивается с прямого пути то в одну, то в другую сторону. Старый Том очень любит девчонку, да и Джудит тоже, хотя сама она бойка и тщеславна. Не будь этого, я бы не поручился за безопасность Хетти среди людей такого сорта, какой иногда попадаетея на берегах озера.

— Мне казалось, что люди здесь появляются редко, — сказал Зверобой, видимо обеспокоенный мыслью, что он так близко подошел к границам обитаемого мира.

— Это правда, парень, едва ли два десятка белых видели Хетти. Но двадцать заправских пограничных жителей — охотников-трапперов и разведчиков — могут натворить бед, если постараются. Знаешь, Зверобой, я буду в отчаянии, если, вернувшись после шестимесячной отлучки, застаю Джудит уже замужем...

— Девушка призналась тебе в любви или как-нибудь обнадежила тебя?

— Вообще нет! Право, не знаю, в чем тут дело. Ведь я недурен собой, парень. Так мне, по крайней мере, кажется, когда я гляжусь в родник, освещенный солнцем. Однако я никогда не мог вынудить у этой плутовки обещание выйти за меня замуж, не мог добиться от нее ласковой улыбки, хотя она готова хохотать целыми часами. Если она осмелилась обвенчаться в мое отсутствие, то узнает все радости вдовства, не дожив и до двадцати лет.

— Неужели, Гарри, ты способен сделать что-либо худое человеку только потому, что он пришелся ей по душе больше, чем ты?

— А почему бы и нет? Если соперник встанет на моем пути, как не отшвырнуть его в сторону? Погляди на меня! Такой ли я человек, чтобы позволить какому-нибудь проныре и плуту, торговцу пушниной, взять надо мной верх в таком важном для